

Герман Гуськов

Вопреки всем испытаниям

Матюшенко, Матюшенки... С детских лет на слуху эта фамилия.

«Завтра мы приглашены к Матюшенкам», — бывало, напоминала нам матушка. Глава этого семейства Яков Антонович служил паровозным машинистом на Московско-Курской железной дороге, а жена его Евдокия Григорьевна — бабушка Дуня — приходилась тетей моему отцу. Проживали мы тогда в подмосковном Люблине, а Матюшенки — в Китаевке, как назывался в быту Китаевский поселок, примыкавший к городу.

Мы с братом Олегом дождаться не могли, когда наступит завтра. Визиты к Матюшенкам всякий раз бывали для нас волшебным приключением. В доме все держалось на бабушке Дуне. Она всегда приветливо встречала нас, угощая чаем и непременно вкусной домашней выпечкой. Чай же, помню, разливался из самовара. Для нас с Олегом это была экзотика.

Военную осень 1941 года Евдокия Григорьевна не пережила. Помню ее похороны. Написал «помню», а что за воспоминания-то? Отдельные мгновения. Мне было тогда шесть лет. Я спиной вперед сижу в санях, запряженных гнедой лошадкой. Левая моя рука лежит на крышке гроба. Видимо, обнимает домовину, а возможно, старается согреть бабушку. Уже установилась суровая зима, мороз был жуткий. Следом за саниями — немногочисленные плачущие родственники...

Сама же бабушка Дуня никогда прилюдно не горевала, и никто никогда не видел ее слез. Скорбела, уединившись. А ведь было от чего и о чем... В 1933 году ее старший сын Павел в одночасье был арестован.

Его биография на тот момент была краткой. Родился в 1902 году. В семье еще два сына и дочь. Он старший. Надежда родителей на старшего всегда велика. По окончании школы второй ступени Павел в семнадцать лет — ученик слесаря. В восемнадцать, сдав экзамен, работает на паровозе помощником машиниста. Это влияние отца. Кстати, младшие его братья Федор и Николай тоже служили на паровозах помощниками машиниста, а Федор Яковлевич, как и отец, стал машинистом. В 1923 году Павел, пройдя конкурсное испытание, поступает на рабфак, продолжая работать на паровозе. С 1925 по 1930 год учится в Московском высшем техническом училище, опять-таки не оставляя работы. После успешного окончания МВТУ он — инженер, старший инженер проектного отдела на заводе «Серп и молот» в Москве. На это судьба отмерила ему всего два года. А затем — арест по обвинению в принадлежности к контрреволюционной троцкистской группе.

Вместе с Павлом были арестованы его товарищи, имена которых я назову ниже. Все шестеро — выпускники инженерно-строительного факультета МВТУ, ровесники, объединенные не только студенческой дружбой, но и общими интересами. По давней

Гуськов Герман Александрович — заместитель начальника Управления федеральной государственной службы Президента России, ныне пенсионер. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

традиции они нередко собираются у Павла, порой засиживаются допоздна — дом большой, условия позволяют. Здесь было по-семейному уютно, Евдокия Григорьевна непременно озаботится, напоит, накормит. В былые годы друзья совместно готовились к занятиям, а теперь, собравшись за чаем, вспоминают былые студенческие годы, оживленные семинарские занятия, коллоквиумы, размышляют о будущем, обсуждают новые решения партии, мечтают...

Однажды появилась в этой компании некая особа, их ровесница. Привел ее и поселил в доме Павла его товарищ Сергей Галкин, который познакомился с особой, отдыхая в Крыму, и вывез «даму своего сердца» в Москву. Была она активистка, парттысячница, производственник-передовик и имела партийные рекомендации для поступления в вуз. Правда, был у нее муж, дети, но Галкин, вероятно, очень уж увлекся и был не слишком разборчив в связях.

Родители Павла Яковлевича приняли особу со всей матюшенковской сердечностью. Они знать не знали, что первые три дня по приезде в Москву она прожила в доме родителей Сергея. Однако его родители быстро распознали в ней злодейку и выдворили из дома, хотя и они, вернее всего, не знали, что она стукачка и вскоре доложит следователю ОГПУ: «За время моего нахождения в квартире Галкина мне удалось установить», что вся семья — «антисоветчики». Для того чтобы составить это суждение, ей хватило трех дней. «У меня сложилось определенное мнение», что все они входят «в контрреволюционную группу, которая связана с определенной контрреволюционной организацией».

Мне не хотелось бы называть ее имя, да и стыдно за нее. Поэтому обозначу ее как «S», по первой букве фамилии, которую она, кстати, подписываясь, тоже выводила в виде этой буквы латинского алфавита. Доносила по личной инициативе, никто ее не неволил. Вначале она оговорила своего бывшего возлюбленного, а затем заодно с ним и всех его друзей, разговоры которых слышала, живя в доме родителей Павла. Почему? Чем можно объяснить ее предательство? Именно предательство, никак иначе это не назовешь, — ведь она оклеветала людей, которые ее приютили.

Душа предателя — потемки. А потому вряд ли можно узнать, кому конкретно мстила особа — родителям Галкина, которые выставили ее из дома, или же самому Сергею, который чем-то ее обидел. Вот и наказала его: «Находясь в близких отношениях с Галкиным и живя с ним, мне неоднократно приходилось от него слышать явно контрреволюционные определения...», «он сразу показался мне подозрительным». А может, задел ее неосторожным словом в застольной беседе кто-то из молодых инженеров... Да это и неважно, главное — она умело отомстила, обрушив на обидчиков всю мощь государственной машины. Такое объяснение дает и заключение по данному делу, утвержденное Управлением КГБ при Совете Министров СССР по Москве и Московской области: «Основанием к возбуждению дела и аресту Матюшенко и др. послужили показания свидетеля "S"... из чувства мести». К сожалению, это заключение было сделано через тридцать с лишним лет после описываемых драматических событий — в 1966 году.

А тогда 17 января 1933 года органы ОГПУ Московской области выписали на имя Матюшенко Павла Яковлевича ордер № 490 на «арест и обыск». Согласно протоколу, в этот же день по месту его жительства был проведен обыск. В результате обыска в протоколе была сделана запись: «Взято для доставления в ПП ОГПУ Московской области... один сверток книг и тетрадей». Что это были за материалы, в деле не упоминается.

Как происходил арест? Привожу описание из воспоминаний Павла Яковлевича. В январе 1933 года «глубокой ночью больного гриппом, с высокой температурой (я бюллетенил) и, несмотря на возражения родителей и мои тоже, меня насильно одели, — сказав, что меня срочно вызывают на консультацию по одному якобы вредительски спроектированному проекту, и что я скоро вернусь домой, меня увезли из дома, прямо на Лубянку, где сразу же приступили к допросу и избиениям, обвиняя меня в контрреволюции и чтобы я подписал нужные им показания на меня и моих товарищей».

В день ареста, сразу после допроса Павла Яковлевича заключили в Бутырский изолятор. Основным и единственным свидетелем обвинения по заведенному делу «Матюшенко Павла Яковлевича и др.» была доносица. Никаких других доказательств вины обвиняемых найти не удалось. Но оказалось, что можно обойтись без них.

Во время допроса следователь угрожал, что подследственному и его родным придется плохо, если он откажется давать нужные показания. В итоге Павел Яковлевич не выдержал допроса, который продолжался много часов подряд, и признал все, в чем его обвиняли. Надо учесть, что он был серьезно болен, так что сил сопротивляться у него осталось не много, и единственное, чего он хотел, — это покоя. Он поставил подпись под протоколом допроса, который начинался словами: «Чистосердечно признаю себя виновным...»

Вряд ли он сдался бы, если бы был здоров. Ему уже доводилось сталкиваться со следователем, проводившим допрос. В заявлении на имя генерального прокурора СССР от 24 марта 1966 года Павел Яковлевич высказывает предположение, что поводом для его ареста в январе 1933 года послужило обстоятельство, имевшее место в конце 1932-го. Тогда, пишет он, его «вызывали на Лубянку д. 14 к этому же следователю, который впоследствии вел и мое так называемое "дело"... Он предложил дать ему обвинительный материал на сотрудников завода "Серп и молот". Я ему наотрез в этом отказал... Он тогда закричал и сказал мне, что я об этом пожалею. Я уверен, это единственная и самая главная причина незаконного моего ареста и обвинения».

Павлу Яковлевичу было предъявлено обвинение по широко известной в те времена статье 58 (пункты 10 и 11) УК РСФСР. Состояла статья из четырнадцати пунктов. Пункт 10 гласил: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти... а равно и распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания».

Через пару месяцев состоялся суд. Привожу сокращенную выписку из протокола заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от 8 марта 1933 г.

«СЛУШАЛИ:

Дело по обв. гр. МАТЮШЕНКО Павла Яковлевича, ГАЛКИНА Сергея Дмитриевича и друг. в числе 4-х чел. по 58/10, 11 ст. УК;

ПОСТАНОВИЛИ:

1. МАТЮШЕНКО Павла Яковлевича,
2. ГАЛКИНА Сергея Дмитриевича — заключить в исправтрудлагерь, сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 17/I-33 г.
3. САДОВНИКОВА Бориса Николаевича,
4. АНДРОНОВА Владимира Петровича — заключить в исправтрудлагерь, сроком на ТРИ года, считая срок с 17/I-33 г.
5. ДМИТРИЕВА Сергея Ивановича,
6. СОРОКИНА Сергея Кирилловича — выслать <...> в Зап. Сибирь, сроком на ТРИ года, считая срок с 17/I-33 г.»

Вот и весь «приговор». Никаких мотиваций, доказательств.

Через десять дней комендант Бутырского изолятора и «нач. упр. КАРЛАГ ОГПУ. гор. Караганда» (так обозначена должность в документе) получают письменное предписание этапировать осужденного гр. МАТЮШЕНКО Павла Яковлевича в Караганду, где Павел Яковлевич провел определенный ему срок последующей жизни.

Ровно через год после высылки Павлу Яковлевичу предстоял очередной «этап», теперь в обратном направлении (из Караганды в древний город Дмитров). В это время начиналось строительство нового канала Москва—Волга и была острая потребность в инженерных кадрах. Павел Яковлевич пишет в своих воспоминаниях: «В марте 1934 года я был переведен в Дмитлаг НКВД, на строительство канала Москва—Волга».

Развернувшееся грандиозное строительство, трудовые успехи участников строительства канала были отмечены администрацией «Дмитлага». Поощрения удостоен и Павел Яковлевич. В 1936 году он был досрочно освобожден от исполнения наказания. Но и освободившись, продолжает трудиться в должности инженера-проектировщика в той же системе, как он пишет, «по вольному найму».

После завершения строительства канала его привлекают на инженерные должности на различные предприятия и строительные объекты. Его послужной список обширен: старший инженер проектного отдела на строительстве Куйбышевского гидроузла; технорук жилищно-коммунального отдела (Талдом); прораб ОКСа на строительстве угольно-промышленного предприятия (Нальчик). В начале июня 1941 года его приглашают на работу в систему Наркомата авиационной промышленности на оборонные предприятия — авиационные заводы в городах Кимры, Ржев. Занимая ответственные руководящие должности (начальника строительной ремонтной конторы, главного инженера ОКСа, главного механика заводов), он снискал уважение заводских трудовых коллективов и многократно поощрялся руководством и министерством. Более десяти лет он трудился на этих заводах, и все эти годы его работа высоко оценивалась и была отмечена правительственной наградой — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а также почетной грамотой Минавиапрома.

Удивительно, но я никогда не видел его с этой наградой на лацкане пиджака. Да и не упоминал он о ней. Отмечу, что природная скромность Павла Яковлевича была его отличительной чертой. Однако не исключаю, что награда была изъята у него при повторном аресте.

Но арест еще впереди, а в 1949 году он был откомандирован в город Ржев на восстановление разрушенного неприятелем авиазавода. Это был известный в стране завод № 493.

А через два года — арест в городе Калинин, ныне Твери. По странному стечению обстоятельств, произошел он, как и первый, тоже в январе и тоже в 17-й день месяца, но только спустя восемнадцать лет — в 1951 году. И на этот раз я не могу найти никаких объяснений тому, почему он был арестован. Во вновь заведенном деле говорится: «Матюшенко П.Я. совершил преступление, предусмотренное ст. 7 и 35 УК РСФСР и, принимая во внимание, что Матюшенко, находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда, мерой пресечения избрать содержание под стражей». Обратим внимание, номера статей УК РСФСР теперь другие, нежели в 1933 году. Тогда, как помним, была статья 58.

Подписывать какие-либо протоколы или ордера Павел Яковлевич отказался. Теперь он выдержал прессинг следователей и дознавателей.

Проведенные обыски (один — по месту его жительства, второй — личный во внутренней тюрьме города Калинина) — никакой крамолы не выявили. Опять начинаются допросы. Каждый день. Точнее — каждую ночь. Потому как все они проходили исключительно в ночное время, с постоянными угрозами и физическим насилием, с одним только требованием подписать нужные следствию документы. Это продолжалось полтора месяца. И вновь и вновь звучал вопрос дознавателя: «Был ранее судим?» Ответ подследственного: «Да». И тут же следует вывод: «Значит, виновен». А коль виновен, следовательно, «опасен». И как завершение логической цепочки выводов: «Следовательно, является активным участником антисоветской организации».

Настойчиво повторяются надуманные обвинения. Павел Яковлевич продолжает игнорировать их. Не подписывает и очередные протоколы допросов. Чтобы сломить, его помещают в одиночную камеру, к тому же без окна. Он теряет силы, чувствует, что не вынесет страданий, и решает объявить «смертельную голодовку». Он ломает голову над вопросом: после освобождения в 1936 году я работал на оборонных заводах, занимал руководящие должности, по профилю работы имел доступ к секретным документам. Почему же следствие теперь мне не верит? И не находит ответа.

А следствие тем временем продолжается. 20 февраля выносится постановление о предъявлении обвинения. В нем, как и прежде, утверждается, что Матюшенко П.Я. достаточно изобличается в том, что до 1933 года являлся участником антисоветской террористической группы. Однако почему не учитывается, что по тому делу наказание уже исполнено? Павел Яковлевич делает заявление о том «что на все вопросы следователя он отвечать не будет, так как виновным себя ни в чем не считает». Один из документов в деле — врачебная справка, подготовленная тюремным врачом после медосмотра подследственного. Диагноз заболевания — «миокардит, стенокардия».

Павлу Яковлевичу в то время не было и пятидесяти, а сердце его уже изношено, хотя сам об этом он нигде не упоминает.

И вот наконец выносится обвинительное заключение. Это документ объемом всего полторы страницы, включая справку. Вот его краткое содержание:

«В Управление МГБ по Калининской области поступили данные о том, что МАТЮШЕНКО Павел Яковлевич являлся участником антисоветской группы. На основании этих данных Матюшенко 7 февраля 1951 года был арестован и привлечен к уголовной ответственности... По своей прошлой антисоветской деятельности и связям является социально-опасным. Допрошенный в качестве обвиняемого Матюшенко в предъявленном ему обвинении по ст. ст. 7-35 УК РСФСР виновным себя не признал.

На основании изложенного обвиняется:

МАТЮШЕНКО Павел Яковлевич в том, что по своей прошлой антисоветской деятельности и связям с преступной средой является социально-опасным, так как является участником антисоветской группы...»

Далее следуют подписи, дата, справка... В справке, кстати, имеется пункт: «Вещественных доказательств по делу нет». Пункт, заведомо ложный. Доказательства имелись! Правда, совсем не те, в которых нуждалось следствие, имевшее целью осуждение социально опасного субъекта.

У субъекта имелись характеристики, составлявшие на него на оборонных предприятиях, авиазаводах, на которых он долгие годы — довоенные, военные и послевоенные — трудился на руководящих должностях. Эти официальные отзывы изобилуют похвалами, отмечают его профессионализм, оперативность, заботу о людях и о производстве. Они характеризуют Павла Яковлевича как опытного руководителя, производственника, пользующегося доверием и уважением трудовых коллективов. Однако следствие не озаботилось приобщить эти доказательства к материалам дела.

К сожалению, Павел Яковлевич не оставил никаких предположений о том, почему был вторично наказан за преступление, которого не совершал. Могу лишь представить, что при его переезде в Калинин за ним последовало и досье на него, заведенное в органах государственной безопасности много лет назад. И кому-то было выгодно освежить папку новыми документами. Кто это был? Возможно, какому-то сотруднику органов необходимо было срочно выполнить план, а тут под рукой — готовое дело. Или же мой дядя, сам того не зная, обзавелся недоброжелателем на новом месте работы, а недоброжелатель имел возможность знакомиться с анкетами на работников в спецотделе предприятия. И возможность эту использовал. Вновь повторилась та же ситуация — маленькие люди приспособили страшную государственную машину для своих маленьких целей. Это именно то, что Ханна Арендт назвала «банальностью зла». Но вряд ли мы когда-нибудь узнаем истинную причину. Все это, разумеется, лишь мои предположения.

А на деле в мае 1951 года Особое совещание при Министре государственной безопасности Союза ССР рассмотрело дело Павла Яковлевича и вынесло постановление: «Матюшенко Павла Яковлевича, как социально-опасный элемент сослать в Кустанайскую обл. Казахской ССР сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 7 февраля 1951 г.»

Его отправили в поселок Федоровку Узункольского района Кустанайской области Казахстана. Здесь ему выдали его старую трудовую книжку, выписанную еще в 1939 году:

«Трудись, зарабатывай новый стаж...»

Вспоминаю, как бабушка наша — Елена Григорьевна, которая приходилась теткой Павлу Яковлевичу, навещала его вскоре после высылки в Казахстан. Полагаю, она не только провела племянника, но и поддержала его морально. Это ему было необходимо, хотя держался он стоически. В год второго ареста Павла Яковлевича она вышла на пенсию, а потому очень быстро собралась и пустилась в путь. Сборы в памяти не сохранились, но помню ее возвращение. Видимо, бабушка немало пережила в тех богом забытых краях и решила, что чехарда с арестами и ссылками племянника никогда не закончится. Однако Павел Яковлевич потом поведал нам, что тетушка привезла ему в ссылку новые силы и уверенность в будущем.

В марте 1953 года он направил в Президиум Верховного Совета СССР прошение об освобождении из ссылки, продолжая доказывать свою невиновность и ссылаясь на безупречную свою работу в прошлом. Через месяц МВД СССР уведомляет его, «что его заявление рассмотрено» и он «на основании Указа от 27/III-1953 года подлежит амнистии». Проживать теперь он может где угодно и наконец-то возвращается в Москву. Спустя двадцать лет. После смерти родителей. Однако оставаться в Люблино не хочет — его квартира после кончины родителей занята другими людьми. Конфликтовать он ни с кем не желает, а потому перебирается в подмосковную Апрелевку, где на известном в те годы заводе грампластинок ему была предложена работа в должности начальника отдела капитального строительства с предоставлением квартиры. Теперь он может воссоединиться с семьей — женой и приемной дочерью, ожидавшими его возвращения. Тогда же впервые увидел своего дядю Павла и автор этих строк.

В январе 1955 года Павел Яковлевич получает приглашение на работу в союзном проектно-институте «Гипрокинополиграф», что в центре Москвы. Его высокая профессиональная квалификация не остается незамеченной. Он назначен на должность старшего архитектора института и осуществляет авторский надзор за строительством фабрики офсетной печати в Дмитрове, производственного корпуса «Красный пролетарий», других объектов, а также большого количества жилых домов в столице и области.

В конце 1965 года, будучи уже на пенсии, Павел Яковлевич получает приглашение работать во вновь организуемом Специальном конструкторском бюро АН СССР. Это весьма престижная, интересная работа. Силы еще есть, квалификация позволяет, он дает согласие и приступает к обязанностям врио начальника отдела конструкторского бюро. Но начавшееся кадровое оформление дает сбой. Ему сообщают, что на должность начальника его назначить не смогут: «У вас прошлое...»

«Как же так? — справедливо возмущается он. — Я же амнистирован!»

Но в данном случае это, оказывается, не имеет значения. Амнистирован, то есть прощен. Прощен — стало быть, было за что прощать. Следовательно, совершил что-то преступное. И это «что-то» преследует его и будет преследовать весь остаток жизни.

Тогда он берет перо и обращается к генеральному прокурору СССР: «В 1953 году я был амнистирован из ссылки... отпущен на свободу», — пишет он и просит реабилитации, которая, помимо освобождения от уголовного преследования и снятия судимости, восстановит его в гражданских правах, вернет доброе имя, прежнюю репутацию.

Это его заявление было удовлетворено. Прокурор города Москвы внес в Президиум Московского городского суда протест, в котором отмечал, что «основанием к осуждению Матюшенко и других послужили их личные показания и показания свидетеля "S"» и что «расследование по делу проводилось с грубым нарушением норм УПК РСФСР, с материалами дела осужденные не знакомились...» и т.д. В итоге, после всех официальных процедур Павел Яковлевич был реабилитирован и по первому, и по второму делу. Однако силы и нервы у него уже на исходе. Тридцать четыре года нес он этот крест. Половину жизни...

Он никогда ни на что не жаловался. Старался не подавать и виду, что ему тяжело, что он опасно болен. Но теперь, поздравляя родных, сообщает, что занемог. Как же ему не хворать после многочисленных допросов, сопровождавшихся истязаниями?! Вспоминаю его частые сердечные приступы и неприменное обращение к лекарствам. Да и как сердце могло выдержать все, что пережито?!

28 декабря 1969 года Павел Яковлевич скончался. Причиной смерти стал инсульт. Провожали мы его в последний путь на местное кладбище, что на окраине Апрелевки. Стояли такие же суровые морозы, как и в памятном 1941-м, когда хоронили Евдокию Григорьевну, его матушку. А я, стоя над свежей могилой, думал, как много, вопреки всем испытаниям, удалось ему сделать в своей жизни.